

Перспективы контроля над стратегическими ядерными вооружениями после 2009 г.

Е.В. Мясников¹

Выступление перед студентами на межпредметном семинаре в МФТИ 21 октября 2009 г.

Здравствуйте. Мне очень приятно находиться с вами сегодня. Спасибо за ваш интерес к тематике.

Несмотря на сильную загруженность, вероятно, все таки стараетесь следить за основными событиями, происходящими в мире. И одна из тем, наиболее часто упоминаемых СМИ – это идущие между Россией и США переговоры о новом договоре о сокращении СНВ, который должен придти на смену Договору СНВ-1. Как известно, срок действия Договора СНВ-1 истекает через 1.5 месяца – 5 декабря. И президенты США и России поставили задачу подготовить к этому сроку новый договор.

На первый взгляд, необходимость нового договора не столь очевидна. Ни Россия, ни США не планируют наращивать свои стратегические вооружения. Более того, обе стороны намереваются сократить свои ядерные арсеналы. Тогда для чего же нужен новый договор? Тем более, тогда когда давно миновали времена, когда наши страны соперничали во всех областях от балета до космоса и буквально дрались за каждый клочок территории на планете.

Безусловно, ваше поколение совсем по иному воспринимает опасность ядерной войны, чем наше, и уж тем более поколение людей, юность которых пришлась на послевоенные годы. Поэтому, чтобы вы попытались как-то лучше осознать к каким последствиям может привести применение ядерного оружия, я бы хотел немного отойти от темы и привести один [пример](#). Представьте, что было бы, если бы противник, к примеру, поставил целью нанести ядерный удар по Долгопрудненскому машиностроительному заводу оружием, подобным примененному в Хиросиме, т. е. мощностью около 15 кт. В зоне сплошных разрушений и гибели почти 100% населения оказалась бы большая часть города. Здания МФТИ и студенческий городок попали бы в эту зону. От последствий воздействия светового излучения и радиоактивного заражения местности погибла бы большая часть людей на этой территории, а это десятки тысяч. Вполне вероятен был бы и сценарий массового отравления продуктами химического производства в результате разрушений и пожаров на ДХЗ ТЭС. Бомба мегатонного класса, сброшенная на ДМЗ, вне всякого сомнения, стерла бы город Долгопрудный с лица земли.

В годы холодной войны, оперативные планы применения стратегических сил предусматривали нанесение ударов тысячами ядерных боеголовок, и тысячи ракет были готовы стартовать в течение нескольких минут после принятия

¹ Евгений Владимирович Мясников – к.ф.м.н., ведущий научный сотрудник [Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ](#). Контактная информация: тел. +7-(495)-4086381, факс +7-(495)-4084477, эл. почта: miasnikov@armscontrol.ru.

такого решения. Может быть для вас это будет откровением, но ведь эта практика жива и сейчас. Уже нет былого антагонизма идеологий, наши страны провозгласили, что строят партнерские отношения, а ведь по-прежнему сотни ракет нацелены друг на друга и находится в готовности к пуску, исчисляемой минутами. Конечно, эту проблему нужно как-то решать.

Есть и другие причины. Одна из них политическая. Возможно, вы слышали о проблемах, которые будоражат мир в связи с соблюдением Договора о нераспространении ядерного оружия – это и события вокруг иранской ядерной программы, и северокорейской. Будущее этого Договора находится под достаточно серьезной угрозой. И США, и Россия совсем не заинтересованы в развале режима нераспространения. В ДНЯО есть статья VI, согласно которой ядерные страны должны демонстрировать свою волю к полной ликвидации ядерных вооружений. А в следующем году состоится обзорная конференция по Договору, на которой ядерные державы будут докладывать о том как они выполняют эту статью. Поспешность сторон в подготовке нового Договора по СНВ, по видимому, и объясняется близостью сроков проведения очередной Обзорной конференции ДНЯО.

Новый договор для России, нужен и по другим соображениям. Наличие российско-американского договора само по себе подчеркивает статус России как ядерной сверхдержавы. Ядерные вооружения – то небольшое, что осталось у России от аргументов, способных поддержать этот статус.

Но кроме названных причин политического характера, есть и такие, которые я назвал бы военно-техническими. Сегодня я попытаюсь подробнее поговорить о них и поразмышлять на темы в каком договоре Россия заинтересована и какого компромисса с США реально достичь?

Как это принято в точных науках, начну с определений, чтобы за юридическими формулировками можно было углядеть смысл того что именно стороны планируют сделать. Аббревиатура СНВ означает стратегические наступательные вооружения. Под стратегическими наступательными вооружениями понимаются **стратегические носители, их пусковые установки, а также ядерные боеприпасы**, которыми оснащены эти стратегические носители.

К стратегическим носителям относятся межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), т.е ракеты наземного базирования обладающие максимальной дальностью более 5500 км, баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ), дальность которых превышает 600 км, тяжелые бомбардировщики (ТБ). МБР и БРПЛ оснащены одной или несколькими боеголовками. ТБ могут оснащаться ядерными авиабомбами и ядерными КРВБ.

Кроме определений, важно еще представлять исторический контекст.

Первые реальные шаги в области ограничения СНВ были сделаны в начале 1970-х гг прошлого столетия, когда был заключен договор ОСВ-1. Вызваны они были прежде всего пониманием того, что гонка вооружений и особенно ядерных, стала не только обременительна финансово, но и крайне опасна. Мир в

буквальном смысле слова стоял на пороге очень опасной черты и нужно было как-то от нее отойти, сделав действия каждой из сторон более предсказуемыми.

Договор ОСВ-1 установил лимиты на наращивание количества носителей ядерного оружия. Почему были выбраны именно носители? Потому что, их развертывание можно было контролировать так называемыми национальными техническими средствами контроля (НТСК), к которым, к примеру относятся спутниковые средства наблюдения. Сооружение шахты, которое обычно длится несколько месяцев и сопровождается выемкой большого количества грунта, практически невозможно скрыть от спутников. Точно также невозможно скрыть факт спуска подводной лодки на воду, после того когда она выходит из эллинга и готовится к ходовым испытаниям.

Одновременно с ОСВ-1 был заключен Договор по ПРО, который запретил развитие противоракетных систем, предназначенных для обороны всей территории страны. Развитие оборонительных стратегических систем неминуемо привело бы и к гонке наступательных вооружений. И договор ОСВ-1, и все последующие договоренности СССР и США имели в дальнейшем жесткую увязку с Договором по ПРО, т.е. предусматривали возможность выхода из договора, если бы Договор по ПРО перестал действовать.

В 1979 г. появился Договор ОСВ-2, в котором вводились более детальные определения и ограничения на количественные и качественные характеристики носителей. Однако, принцип контроля за выполнением соглашений оставался прежним – контролировались носители – МБР, БРПЛ и ТБ, но не боеголовки, развернутые на этих носителях.

В июле 1991 г, за несколько месяцев до распада СССР, был заключен Договор СНВ-1, который качественно отличался от предыдущих. Это очень объемный и сложный документ, составляющий около 700 страниц текста, в котором детально проработаны все вопросы, касающиеся предмета ограничений и сокращений, процедур ликвидации, а также процедур проверки выполнения соглашений.

В Договоре СНВ-1 впервые были введены количественные ограничения не только на носители, как в прежних соглашениях, но и на боезаряды. Очень часто в средствах массовой информации упоминается утверждение о том, что Договор СНВ-1 ограничил СНВ России и США 6000 боезарядами. Боезаряд это совсем не то же самое, что и боеголовка, находящаяся на носителе. Принцип подсчета боезарядов в договоре СНВ-1 следующий. Существует перечень типов носителей, которые стороны согласились считать стратегическими. К примеру, к стратегическим относятся МБР типа РС-20 (Р-36 М2, SS-18, Satan). За каждым таким развернутым носителем засчитывается определенное и согласованное количество боезарядов, которое, вообще говоря, может быть совсем другим, чем реальное количество боеголовок, которое размещено на носителе. К примеру, за МБР РС-20 засчитывается 10 боезарядов, хотя ракета существовала в трех модификациях (с 1, 3 и 10 боеголовками). Как правило, засчитываемое количество боезарядов соответствовало максимальному количеству боеголовок, с которым ракета эксплуатировалась в штатном режиме. Таким образом реально развернутое количество ядерных боеголовок обычно меньше, чем то

количество, которое засчитывается и упоминается в меморандумах обмена информацией.

Договор СНВ-1 имеет еще одно качественное отличие от предыдущих договоров. Контрольный механизм этого договора предусматривает очень широкий перечень мер. Он включает не только контрольные процедуры с помощью НТСК, но и уведомления, обмен информацией, меры на основе сотрудничества, но также и взаимные инспекции объектов, в том числе и непрерывные инспекции. Всего используется около 14 видов инспекций, и ежегодно стороны участники договора проводят около 30-40 инспекций на местах.

В начале 1990-х годов были большие ожидания относительно продолжения процесса сокращений. В 1993 г. США и Россия заключили Договор СНВ-2, который во многом унаследовал подходы, закрепленные в СНВ-1 и предполагал примерно вдвое сократить к-во развернутых боезарядов по сравнению с уровнями СНВ-1. Стороны начали вести диалог о следующем этапе сокращений – Договоре СНВ-3 с потолком 2500 боезарядов. Однако, к концу 1990-х процесс затормозился. Можно назвать много причин, почему это произошло. На мой взгляд, главная из них – слабость российской экономики, которая попросту не была способной поддерживать количественные параметры стратегических сил на том же уровне, что и советская. Американцы все чаще стали задавать вопрос – а зачем нам нужно о чем-то с русскими договариваться, если они и так без всяких договоров будут сокращать свои вооружения?

Когда в 2001 г. к власти в США пришла республиканская администрация Буша, она и вовсе прекратила диалог по сокращению СНВ, мотивируя это тем, что «холодная война» завершилась, США и Россия теперь не противники, а партнеры. А какие договора могут быть между партнерами? Разве, к примеру, у США есть подобные соглашения с Великобританией или Францией?

И, тем не менее, в 2002 г. в Москве был все-таки заключен Договор о сокращении наступательных потенциалов. Сделано это было прежде всего благодаря активной и настойчивой позиции Москвы. Однако, поскольку США не были вообще заинтересованы в каком-либо предмете диалоге с Россией по СНВ, то Договор получился исключительно декларативным.

В отличие от СНВ-1, текст Договора СНП составляет всего три страницы. Стратегические носители в нем не упоминаются вовсе. Согласно тексту договора, к концу 2012 г. стороны обязаны сократить свои уровни до 2200 стратегических ядерных боезарядов. Однако, в договоре нет четко определенного понятия, что же понимается под термином **«стратегический ядерный боезаряд»**. А потому не понятно, как их считать. Российская сторона настаивала, чтобы подсчет велся по правилам СНВ-1, а американская предпочитала иной подход – учитывать только так называемые «оперативно-развернутые стратегические ядерные боезаряды». Что имеется ввиду? Это такие ядерные боеголовки, которые реально находятся на носителях. К примеру, если это МБР и БРПЛ, то учитываются лишь боеголовки ракет, находящихся в своих пусковых установках в готовности к пуску. Если же ракеты выгружены или снята часть боеголовок и помещена в зоны хранения, то такие боеголовки уже

не учитываются. Что касается бомбардировщиков, это такие ядерные авиабомбы и ядерные КРВБ, которые находятся на базах стратегических бомбардировщиков. Если вы вооружение ТБ переместили в другое удаленное от бомбардировщиков место, то они также не учитываются.

Почему Россия возражала против такого подхода? Потому что американские правила засчета позволяли США создать так называемый «возвратный потенциал». Что под этим понимается? Технически американцы могут «разгрузить» свои носители - снять определенное количество боеголовок с ракет и отвезти их в хранилища. Точно также, большую часть авиационных ядерных вооружений можно разместить далеко от пунктов базирования ТБ. При этом засчитываться в разрешенные уровни будут только те боеголовки, которые находятся на носителях. А если потребует обстановка, можно достаточно в короткие сроки увеличить количество оперативно-развернутых боеголовок в разы. У России возможности для создания «возвратного потенциала» существенно ниже, чем у США.

Таким образом, в Договоре СНП фактически произошла подмена понятий. То, что раньше было понижением оперативной боеготовности, теперь назвали сокращениями. По аналогии с известным мультфильмом про маргышку, удава слона и попугая, раньше подсчет велся в «попугаях», а теперь в «маргышках». Подписывая Договор СНП, стороны так и не договорились, что же они собираются сокращать, поэтому и мер контроля никаких этот договор не предусматривает.

После того как стороны подписали Договор СНП, диалог с США по проблемам сокращения СНВ практически отсутствовал до конца прошлого года. С приходом администрации Обамы, отношение США к переговорам по СНВ изменилась коренным образом. В команду нового президента США вошли люди, которые считают, что во внешней политике нужно сместить акценты – меньше «бряцать оружием», но больше использовать возможности политического диалога. И после смены администрации США начались интенсивные переговоры США и России по достижению новой договоренности по СНВ, и появились первые реальные результаты таких переговоров.

Главным результатом, достигнутым в Лондоне 1 апреля 2009 г, на встрече президентов США и России было то, что предметом переговоров стали не просто «стратегические наступательные потенциалы» чем ограничился договор СНП 2002 г, но «стратегические наступательные вооружения», которые помимо боезарядов, конечно же включают стратегические носители и их пусковые установки.

А в июле этого года в Москве президенты США и России подписали документ, который называется [«Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений»](#). По сути, этот документ является рамочной договоренностью о том, какие положения будет включать новый договор. В частности, новый Договор будет обязывать стороны сократить свои стратегические носители и боезаряды. Предельные уровни для носителей – от 500 до 1100 единиц, а для связанных с ними боезарядов до 1500-1675 единиц.

Почему выбраны именно эти цифры? Вначале о количестве боезарядов. Предыдущий договор – Договор СНП - ограничивал вооружения сторон до 1700-2200 боезарядов. И новый уровень, хотя бы по политическим соображениям должен оказаться пусть и немного, но ниже. Ведь уровень дальнейших сокращений – это не только некое компромиссное число, касающееся лишь только США и России, но по сложившейся уже традиции он является своего рода «лицом» разоруженческих соглашений, квинтэссенцией обязательств взятых США и Россией, даже не столько друг перед другом, сколько перед мировым сообществом. Этот параметр договора по существу является показателем выполнения двумя ядерными странами статьи VI Договора о нераспространении ядерного оружия.

Теперь о количестве носителей. Обратите внимание на довольно широкие рамки согласованных ограничений. Они также выбраны не случайно. С одной стороны, эти уровни отражают глубокие расхождения сторон в отношении того как считать носители. С другой, создается ощущение, что уровни специально выбраны так, чтобы можно было достичь компромисса, который бы устроил обе стороны и сохранил видимость сокращений.

Каков нынешний статус стратегических сил США и России, каковы перспективы их развития, и в чем собственно состоит интерес к переговорам по существу у американской и российской сторон?

На [слайде](#) представлены уровни развернутых вооружений США, которые относятся к трем наиболее примечательным вехам. В июле 1991 г. был подписан Договор СНВ-1. 5 декабря 2001 г. прошло 7 лет со времени вступления этого договора в силу, и именно к этой дате было необходимо завершить предусмотренные договором сокращения. В третьей колонке – официальные данные обмена по состоянию на июль 2009 г. Это наиболее свежая доступная информация. В четвертой колонке – предположения в отношении того, что будет у США через 7 лет, т. е. тогда когда нужно будет отчитываться о результатах выполнения нового договора.

Как видно, в результате выполнения Договора СНВ-1, к 2001 г. США примерно вдвое сократили свои стратегические вооружения. Хотя за прошедшие после этого 8 лет цифры, казалось бы, практически не изменились, в действительности, произошли существенные изменения. Дело в том, что по правилам засчета СНВ-1, вооружения продолжают учитываться даже если они выведены из боевого состава, но не ликвидированы в соответствии с предусмотренными договором процедурами. В частности, у США на настоящий момент есть около 100 не ликвидированных ШПУ, ракеты из которых извлечены и перемещены на склады. Хотя за США засчитывается 432 ПУ БРПЛ на 18 стратегических подводных лодках, в действительности 4 из них переоборудованы и эксплуатируются как носители крылатых ракет обычного типа. Еще более разительно отличие для бомбардировщиков. По договору СНВ-1, за США засчитывается 3 типа бомбардировщиков – Б-52, Б-1Б и Б-2 общим количеством в 206. Однако, ядерные задачи с большинства из них сняты. Считается, что лишь около 60 ТБ США предназначены для выполнения задач с применением ядерного оружия.

Каковы перспективы развития СНВ США? На этот вопрос должен дать ответ новый обзор ядерной политики США, который запланировано завершить к концу этого года. Однако, вряд ли следует ожидать существенных отклонений от той линии, которые США проводили в последние 20 лет. А политика США была следующей. С одной стороны, США стремились переложить те задачи, которые ранее ставились перед ядерными вооружениями, на высокоточные вооружения обычного типа, таким образом снижая количественные показатели развернутых ядерных вооружений. С другой, США стремились использовать свои стратегические носители для решения неядерных задач в военных действиях, так чтобы их стратегические силы не лежали «мертвым грузом», а каким-то образом оправдывали потраченные на их создание средства. Однако, при этом США всегда старались оставить возможность дать «задний ход», т.е., если вдруг когда-либо возникнет гипотетическая необходимость, - была бы возможность вернуть ядерное оружие из складов на стратегические носители.

Возможно, нынешняя администрация Обамы и пытается отстоять радикальные сокращения в готовящемся обзоре. В марте этого года Обама выступил в Праге с предложением двигаться к полной ликвидации ядерного оружия на планете. Однако, новую ядерную политику должен одобрить Конгресс. А тут сторонники сокращений наталкиваются на сильнейшую оппозицию со стороны неконсерваторов, которые были у власти при президенте Буше, и, по-прежнему, имеют сильные позиции.

Нужно понимать, что, несмотря на самые благие пожелания, у Обамы завязаны руки. На нем сейчас масса проблем, включая и финансовый кризис, и растущий дефицит бюджета, и реформу здравоохранения, и войны в Ираке и Афганистане, и нерешенные проблемы с ядерными программами Ирана и Северной Кореи. Оппозиция воспринимает в штыки каждую инициативу, которая идет вразрез с политикой прежней администрации и отслеживает каждый промах президента.

По этой причине, вполне вероятно, что повторится ситуация какая имело место в 1994 г., когда администрация Клинтона проводила пересмотр ядерной политики. К тому времени уже был заключен Договор СНВ-2, и может быть, те кто был постарше, помнят, что этот период был, пожалуй самым теплым в американо-российских отношениях после распада СССР. Поэтому были очень большие ожидания, что американцы в новом обзоре существенно изменят требования к количественному составу своих стратегических сил, уж во всяком случае, пойдут на уровни ниже 3500 боезарядов. Однако, этого не произошло, несмотря на предпринятые усилия администрации Клинтона. Если сравнивать с уровнями СНВ-2, требования к своим СНВ ни на один боезаряд американцы не уменьшили.

Так каким же образом американцы могут вписаться в провозглашенные рамки нового договора? Совершенно очевидно, что для того чтобы втиснуться в рамки по количеству боезарядов, американцы будут учитывать лишь «оперативно-развернутые стратегические ядерные боезаряды». И похоже, российская сторона с этим согласилась.

Судя по тексту документа, подписанного сторонами в Москве в июле этого года, подсчет носителей также будет осуществляться аналогичным образом. То есть учитываться будут лишь те носители, которые «оперативно-развернуты». Если так, то США могут легко снизить количество своих носителей до 800 не уничтожая их, а лишь снизив их боеготовность. Сверхзадача российской дипломатии – добиваться более глубокого уровня сокращений носителей, но вряд ли эта задача достижима в условиях, когда поставлена цель заключить договор до 5 декабря 2009 г.

Как обстоят дела у российской стороны? В [таблице](#) приведены официальные количественные данные, которые соответствуют июлю 1991 г., декабрю 2001 г. и июлю этого года. Как видно из таблицы, за последние 8 лет российские СЯС стремительно продолжали сокращаться, причем снятые с вооружения ракетные комплексы, в отличие от американских, ликвидировались. Но, если учитывать только «оперативно-развернутые» боезаряды и носители, то реальные цифры окажутся существенно ниже. К примеру, за развернутыми МБР числится 465 единиц, хотя лишь не более 380 из них содержат ракеты с боеголовками в пусковых установках, т. е. около 80%. С подводными лодками разница еще более существенна – не более 60-70% оперативно-развернуты из приведенного количества. То же самое можно сказать не только в отношении носителей, но и боеголовок. И перспективы, как можно увидеть из данных в четвертой колонке, таковы, что количественные уровни и носителей, и боеголовок будут в снижаться и далее довольно быстрыми темпами.

Причина этой тенденции довольно прозаична. Почти 90% ракетных комплексов, которые находятся на вооружении российских СЯС сейчас – это наследство СССР. Длительность эксплуатации некоторых из них уже превысила заложенные разработчиками сроки в два, а то и в три раза. Вечно, это, конечно же продолжаться не может. Поэтому темпы вывода ракет из боевого состава намного превышают темпы оснащения новыми комплексами. Ну вот хотя бы если взять комплексы РВСН. За последние 8 лет выводилось из боевого состава почти по 40 ракетных комплексов ежегодно, а принималось на вооружение в среднем менее 5. Флот с 1991 года не получил ни одной новой стратегической подводной лодки, а проблемы с многострадальным комплексом «Булава» общеизвестны.

Поэтому самые оптимистичные оценки показывают, что даже если считать по правилам СНВ, сократить свои стратегические силы до уровней, которые согласованы в июльском документе, российской стороне будет не сложно. А если считать только «оперативно-развернутые» носители, то количественный уровень российских вооружений будет гораздо меньше нижней планки в единицах. Не случайно наш президент высказывался о готовности сократить количество носителей в 2-3 раза

Теперь, надеюсь, вам понятна та настойчивость, с которой российская сторона добивается заключения нового договора. Одна из основных задач, которая ставила российская сторона в переговорах – ограничить возвратный потенциал США. И для этого необходимо добиться количественных ограничений по носителям существенно ниже 800 единиц, что, на мой взгляд, в обозримом будущем будет чрезвычайно сложно, если возможно вообще. Пожалуй это,

сверхзадача для российской дипломатии, поскольку рычагов воздействия на США у нее немного.

Еще одна задача, которую Россия намеревается решить в готовящемся договоре – ограничить стратегическую ПРО США. Но и эта задача вряд ли решаемая, несмотря на кажущийся прогресс. Как известно, согласно Лондонскому совместному заявлению от 1 апреля 2009 г. о переговорах по сокращениям СНВ, стратегические оборонительные вооружения (ПРО) не являлись предметом обсуждения по новому Договору. То что потом в июльской рамочной договоренности появился пункт 5 о включении в договор положения о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений явилось, в какой-то мере, неожиданностью. Судя по всему, российская сторона приложила немало усилий для того, чтобы пятый пункт появился в тексте московского соглашения. Но в какой степени он позволяет ограничить ПРО США?

Как известно, прежние договоренности США и СССР об ограничениях и сокращениях СНВ действовали в увязке с Договором по ПРО от 1972 г. В 2002 г. США вышли из Договора по ПРО, и Россия, ссылаясь на этот факт, юридически имела право выйти из Договора СНВ-1, но предпочла не делать этого. Сейчас между Россией и США нет каких-либо договоренностей, ограничивающих ПРО, а потому непонятно, на что будет опираться положение о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений, даже если и такая фраза появится в тексте договора. Можно предположить, что российская сторона рассчитывает получить какие-либо односторонние обязательства со стороны США ограничить развитие своей ПРО, и предполагает рассматривать такие обязательства как неотъемлемую часть пакета документов для ратификации нового договора по СНВ. Вряд ли такие надежды оправданы. Судя по реакции представителей Госдепартамента США, ПРО не станет предметом торга на переговорах. Как мне кажется, администрация США сделала очень умный и дальновидный ход, пересмотрев планы развития ПРО и убрав оттуда основные раздражители – РЛС, которую планировалось разместить в Чехии и противоракеты типа GBI, которые планировались для размещения в Польше. Именно против развертывания этих объектов и возражала российская сторона. Тем самым теперь Москва оказалась поставленной в довольно затруднительное положение. Со стороны это выглядит так, как будто американская сторона учла российские интересы, и теперь очередь российской стороны идти на уступки.

В чем же интерес у США? Как понятно из предыдущих рассуждений, сокращение российского ядерного арсенала будет происходить вне зависимости от того будет договор после СНВ или нет. Поэтому ограничения будущего договора в большей степени касаются американцев, чем нас. Они не в интересах американцев.

Другое дело – вопрос прозрачности или как говорят, транспарентности сокращений. Ведь если перестанет действовать Договор СНВ-1, то не будет ни уведомлений, ни взаимных инспекций, ни обмена данными, ни мер на основе сотрудничества, то есть всего того, что обеспечивало уверенность что противоположная сторона не держит «камня за пазухой». Вашингтон этот

вопрос волнует в гораздо большей степени, чем Москву, поскольку традиционно их система принятия решений и финансирования работ более прозрачна, чем наша. Именно этот довод явился зацепкой, для того, чтобы начать переговоры по новому договору еще тогда, когда у власти в США была администрация Буша. Не случайно, вначале американцы вообще предлагали сохранить после 2009 г. лишь только контрольный механизм от договора СНВ-1, а все его ограничения отбросить, как более не нужные.

Поэтому, пожалуй одним из самых тяжелых вопросов в ходе идущих переговоров является вопрос контрольного механизма. Но это именно та область, где у России есть реальные рычаги воздействия на американцев. Логика российской стороны понятна. В обозримом будущем ни одна из сторон не собирается отказываться от ядерного оружия. А поэтому важно, чтобы Россия имела возможность нанести ответный удар при любом сценарии развития событий, даже самом маловероятном. Другими словами, ей нужно обеспечивать выживаемость своего ядерного арсенала, который в перспективе значительно уменьшится. Можно по-разному обеспечивать выживаемость. Нарращивание количества стратегических сил и улучшение их качества – достаточно обременительный путь. Альтернатива – уменьшить прозрачность стратегических сил, еще более затруднив для противника возможность нанести обезоруживающий удар. Так, к примеру, поступает Китай. Он не предоставляет никаких официальных данных о составе и структуре своих ядерных сил, и тем более о дислокации и практике их эксплуатации.

В любом случае, по-видимому, контрольный механизм будущего договора окажется более простым и дешевым по сравнению с тем, что используется сейчас. Представляется, российская сторона заинтересована именно в этом.

Попробую подвести черту. Чего можно ожидать в ближайшем будущем? Договаривающиеся стороны поставили достаточно сложную задачу – заключить договор к декабрю этого года. Судя по тому как события развиваются, задача эта политическая, и договор с большой вероятностью будет все-таки подписан. Взгляды сторон на то, каким должен стать договор, если и не диаметрально противоположны, то по меньшей мере, разнятся очень глубоко, для того чтобы столь быстро достичь компромисса по существу. При этом нужно иметь ввиду, что отсутствие диалога по контролю над стратегическими вооружениями в течение почти десяти лет привело к тому, что фактически разногласия стали еще более глубокими. Кроме того, обе стороны сели за стол переговоров, не имея квалифицированные кадры. Была утрачена их преемственность, поскольку ушли опытные профессионалы, занимавшиеся этой проблемой десятилетиями.

По этим причинам, я думаю, нам с вами не следует ожидать какого-либо прорыва. Скорее всего, новый договор окажется соглашением, которое не будет ломать сложившиеся тенденции в развитии СНВ США и России. Вряд ли он приведет к каким-либо реальным сокращениям стратегических сил. Скорее всего, как и в договоре СНП, сокращениями будет названо снижение боеготовности СНВ двух сторон (а точнее одной, потому что вторая будет сокращаться в любом случае). По количеству боезарядов, компромиссную цифру получить будет не сложно. Она будет, по-видимому, все таки ближе к верхней планке в 1675 боезарядов. А по количеству носителей, стороны скорее

всего остановятся на цифре около 800, которая не будет обременительна для США. Тем не менее, для российской общественности этот результат будет представлен как большая победа российской дипломатии.

По-видимому, в каком-то сильно усеченном виде сохранится контрольный механизм действовавшего договора. Работа же над следующим этапом уже реальных сокращений, вероятнее всего, начнется лишь после того как новый договор вступит в силу. И на повестке дня окажутся не только тематика СНВ, но и конечно, ПРО, нестратегического ядерного оружия, высокоточных стратегических вооружений, обычных вооружений, космического оружия и масса других связанных вопросов, которые важны для обеспечения стабильных, предсказуемых отношений между Россией и США. Но это уже тема другого разговора